

И.К. Айвазовский
Фотография
с дарственной
надписью
«Александру
Владимировичу
Жиркевичу». 1899
Государственный музей
Л.Н.Толстого, Москва

Ivan Aivazovsky
Photograph with
a presentation
inscription
"To Alexander
Vladimirovich
Zhirkevich". 1899
Leo Tolstoy Museum,
Moscow

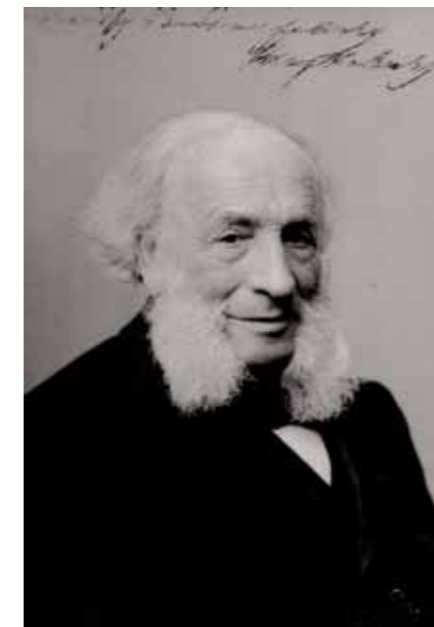
◀ Крым. Вид на Алупку
с моря. 1890
Холст, масло
32,5 × 27
Собрание В.Л.Машинского,
Лондон

◀ The Crimea. A Seaside
View of Alupka. 1890
Oil on canvas
32,5 × 27 cm
Vitaly Machitski's
collection, London

Наталья Жиркевич-Подлеских

В гостях у Айвазовского...

В начале осени 1890 года мой дед Александр Владимирович Жиркевич¹ – военный юрист и начинающий литератор – приехал на лечение в Ялту, как было принято в те времена, надолго. Он с интересом посещал достопримечательности Крыма, любовался Ай-Петри, наслаждался видами моря («Увижу ль я тебя опять, страна очарованья?!»²), провел день в Севастополе... Вскоре Жиркевич вновь побывал в этом городе, но уже вместе с приехавшей к нему из Вильны молодой супругой Катей³. К тому времени они два года счастливо женаты, в семье подрастает маленький сын Сережа⁴, ласково называемый дома Гуля.

Побывали они и в Бахчисарае, вспоминая там трогательную историю, поведанную А.С.Пушкиным в романтической поэме «Бахчисарайский фонтан». Жиркевичу захотелось описать свое видение этой легенды; он сочинил стихотворение «Бахчисарай»⁶.

Узнав, что в Феодосии живет знаменитый маринист Иван Константинович Айвазовский, Жиркевич пишет ему письмо и прилагает автобиографическую поэму «Картинки детства»⁷ (свое первое крупное произведение). Вскоре Александр Владимирович получает ответ и приглашение посетить художника:

Феодосия 4-го Октяб[ря]

*Получил 5 окт. 1890 г. в Ялте
Многоуважаемый Государь Александр
Владимирович.*

В дневнике⁵ Александр Владимирович запишет: «Только что вернулся из Севастополя, где встречал мою дорогую Каташечку. Теперь я опять счастлив! Бродя по руинам Севастополя и осматривая достопримечательности, я пришел к заключению, что грустно-горделивое чувство, возбуждаемое во мне, как в русском, этим городом – не есть капризное впечатление минуты... Нет! Я вновь пережил то же, что уже ранее переживал при первом посещении этого великого города-градальца! Присутствие Каташи усиливало впечатление и придавало ему особенный оттенок! Я рад, что и Каташечка сподобилась видеть священное место, и что у нас с ней одним общим глубоким воспоминанием больше».

*Спешу выразить Вам сердечную мою
благодарность за дорогое внимание.
При Вашем любезном письме, получил
Вашу книгу, которую с великим удо-
вольствием прочту.
Я много слышал про Вас и буду счаст-
лив познакомиться. На вопрос Ваш,
буду ли в Феодосии, скажу, что до 12-го
октября буду дома, затем еду на неделю
в Симферополь, и с 20-го октября по 3-е
ноября тоже буду в Феодосии. На зиму
еду в Петербург. Очень буду рад, если
Вы посетите нашу Феодосию, которая
после Южного берега, производит
весьма грустное впечатление.
Прошу покорнейше принять уважение
(так в письме. — Н.Ж.) в глубоком мо-
ем уважении.*

*И. Айвазовский*⁸

Получив письмо, Александр Владимирович решает ехать в гости к Айвазовскому, ожидая увидеть маститого живописца, занятого только проблемами творчества. Проведя день в доме художника, он отмечает в дневнике, что первая встреча его разочаровала помпезностью обстановки и светскими разговорами. Однако вскоре неприятное впечатление сменилось удивлением и неподдельным интересом к личности Ивана Константиновича. Он раскрылся

¹ Александр Владимирович Жиркевич (1857–1927) – общественный деятель, поэт, прозаик, публицист, коллекционер. Служил в военно-судебном ведомстве в Вильне защитником, следователем, помощником прокурора, судьей. В 1908 году получил звание генерал-майора. Вышел в отставку в знак протеста против введения тайных циркуляров и смертной казни для политических заключенных. Общался с широким кругом церковных, общественных и государственных деятелей, поддерживал переписку со многими писателями и художниками. Подробнее о Жиркевиче см.: Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь. Т. 2: Г–К. М., 1992. С. 269–271.

² Друзьям. Стихотворения А.В.Жиркевича. СПб., 1899. Ч. II. С. 39.

³ Екатерина Константиновна Жиркевич, урожденная Спитко (1866–1921) – внучатая племянница братьев Нестора Васильевича и Павла Васильевича Кукольников. Павел Васильевич Кукольник (1795–1884) – историк, поэт, литератор, профессор всеобщей истории и статистики Виленского университета. Последние годы своей жизни провел в доме Е.К.Жиркевич. В семье Жиркевичей сохранился написанный К.П.Брюлловым портрет П.В.Кукольника, который в настоящее время находится в Ульяновском областном художественном музее.

⁴ Сергей Александрович Жиркевич (1889–1912) – старший сын А.В.Жиркевича и Е.К.Жиркевич.

⁵ В наследии Жиркевича особую ценность представляет дневник, который он вел в 1880–1925 годах и впоследствии вместе с личным архивом, альбомами фотографий и автографов передал Государственному музею Л.Н.Толстого в Москве. ОР ГМТ. Ф. 22. Тетр. № 11. Л. 6–21. Текст приводится с сохранением орфографии и пунктуации автора.

⁶ Друзьям. Стихотворения А.В.Жиркевича. СПб., 1899. Ч. I. С. 2–7).

⁷ А.Нивин. Картинки детства. СПб., 1890. (А.Нивин – псевдоним А.В.Жиркевича.)

⁸ ОР ГТТ. Ф. 22. Ед. хр. 61234. Л. 1–2.

Natalya Zhirkevich-Podlesskikh

At Ivan Aivazovsky's

At the beginning of autumn 1890, my grandfather, Alexander Vladimirovich Zhirkevich¹, a military attorney and a beginning writer, came to the resort town of Yalta for treatment. As was customary in those days, he stayed there for a while. Treatment alone was not enough for his vivacious nature; he was curious to see various places of interest in the Crimea. He admired Ai-Petri Mountain, delighted in the sea views (“Will I see you again, charming land?”²), and spent a day in Sevastopol. He would visit Sevastopol again soon, with his young wife Katya³, who had come from Vilna to join him. By then he and Katya had been happily married for two years and they had a little son named Seryozha⁴, whom they lovingly called “Gulya” at home.

Е.К. и А.В. Жиркевич
Фотография. 1888
Архив автора

Yekaterina
and Alexander
Zhirkevich
Photograph. 1888
Archive of Natalya
Zhirkevich-Podlesskikh

Alexander Vladimirovich wrote in his diary⁵: “I have just returned from Sevastopol, where I went to meet my dear Katashechka. Now I am happy again! While wandering along the ruins of Sevastopol and sightseeing, I came to the conclusion that the sad and prideful feeling that this city inspired in me, as a Russian, is not just a capricious impression influenced by a moment... No! I relived everything I had lived through and felt when I first visited this great suffering city. Katasha's presence intensified my impressions and coloured them in a special way! I am glad that Katashechka was honoured to see this sacred place, and that she and I now have one more deep memory in common.”

They visited Bakhchisarai and remembered a touching story told by Alexander Pushkin in his romantic poem “The Fountain of Bakhchisarai”; Zhirkevich wanted to describe his vision of this legend, and he wrote a poem, “Bakhchisarai”⁶.

Alexander Vladimirovich learned that the famous marine painter, Ivan Konstantinovich Aivazovsky, lived in Feodosia. Zhirkevich wrote to Aivazovsky and enclosed his autobiographical poem, “Scenes from Childhood”⁷, his first major work. Soon he received a response from Aivazovsky with an invitation to visit him in Feodosia. This is the letter from Aivazovsky:

Feodosia, October 4

Received October 5 1890 in Yalta

My dear Sir Alexander Vladimirovich,

Please accept my heartfelt gratitude for your attention. I received your kind letter and your book, which I am looking forward to reading with great pleasure.

I have heard a lot about you and will be happy to meet you. To answer your question whether I was going to visit Feodosia, I can say that I will stay home until October 12, then go to Simferopol for a week, and remain home from October 20 through November 3. I'll be in Petersburg for the winter. I will be very glad if you visit our Feodosia, which may leave quite a sad impression after the Southern shore.

With deepest respect,

Ivan Aivazovsky.⁸

After receiving the letter, Alexander Vladimirovich decided to visit Aivazovsky, expecting to see a venerable artist absorbed only in creative matters. After one day spent in Aivazovsky's house, however, Zhirkevich noted in his diary that the first meeting left him disappointed by both the pompous surroundings and society conversations. But soon this impression gave way to surprise and genuine interest in Ivan Konstantinovich's personality. Aivazovsky revealed himself in a light unfamiliar to Zhirkevich — not only as an admired painter, but as a man who had

done a great deal for his city.⁹ Alexander Vladimirovich was stunned by the way people in the town mentioned Aivazovsky's name at every turn, the way they smiled and bowed when meeting him. Here is what he wrote when he returned to Yalta:

October 7 1890
Yalta

I have just returned from my trip to Feodosia, where I went to see the artist Ivan Konstantinovich Aivazovsky, who had invited me to visit him in his very gracious letter in response to my poem that I had sent him. Until then I had not known Aivazovsky well, even though I had met him before.

The journey by steamship, especially the two nights during the storm when the ship was rolling, left me fairly exhausted. Nevertheless, I am quite pleased with the trip. Aivazovsky and his sweet wife, Anna Nikitichna¹⁰, were very hospitable. But I had

Вид на Босфор
1860-е (1867?)
Холст, масло
30,5 × 34,5
Собрание В.Л.Машинского,
Лондон

A View of the Bosphorus
The 1860s (1867?)
Oil on canvas
30.5 × 34.5 cm
Vitaly Machitski's
collection, London

Вильна.
Георгиевский
проспект
Открытка.
Начало XX века

Vilna.
Georgievsky Prospect
Postcard.
Early 20th century

two different impressions of Aivazovsky himself: one impression when I first came to visit his house, and another during dinner at the house.

The first impression was not in Ivan Konstantinovich's favour at all: he appeared as a very important nobleman, a bureaucrat, a celebrity aware of his significance... The town's mayor was at his house when I came, speaking with him about Feodosia and its needs.

Nevertheless, Aivazovsky very graciously led me around his house and

showed his paintings, among which are lovely pieces. After that he took me to his museum, where we met a gentleman who was writing in his notebook. Upon learning that the gentleman had come for the local baths, and also intended to write a newspaper article about the museum, Aivazovsky kindly invited him to use his own bathhouse, and ordered a servant to take the gentleman there... During the whole conversation with the stranger Aivazovsky spoke slowly and formidably, with a patronizing smile... When we

⁹ Aivazovsky's efforts helped the city of Feodosia to build an archeological museum, an Armenian school, a printing shop, and a club. A great deal of work was put into construction of the seaport, the railroad, the art gallery, and the drinking water pipeline. In addition, a new Armenian temple was built and the old one was repaired. In 1880 the artist opened in his house a picture gallery, which, according to his instructions, was donated to his native city in 1900 (now the Aivazovsky Picture Gallery in Feodosia).

¹⁰ Anna Nikitichna Aivazovsky (née Burnazyan, Sabirova by first marriage; about 1857–1944), Aivazovsky's second wife from 1882.

returned to the house, we struck up a conversation, which, of course, I was hoping to direct to art — presumably, the theme most interesting to both of us. But Aivazovsky immediately changed the subject and began talking about the needs of Feodosia and all the things he had done for the town. He seemed to be pleased that I had noticed how popular his name was in town. I was unpleasantly surprised that he kept referring to his acquaintance with Delyanov¹¹ and Durnovo¹², and other bureaucratic big shots, calling them by their first names and patronymics.

I also did not like the rich, ostentatious, flashy furnishings of his house — golden chairs, mirrors, frames — gilded like in a merchant's house. Even the drapes in the parlour were golden in colour. Alongside the truly artistic things, I occasionally came across some tasteless ones. In the living room, in full view, were displayed the pictures of the Royal Family and the ministers, with inscriptions *addressed to* the owner of the house. All of those pictures were placed in such a way that one unwittingly read the inscriptions. There were no pictures of anyone else. Finally, in the adjacent room, there was a huge self-portrait of Ivan Konstantinovich at full height¹³. He portrayed himself in a coat decorated with his stars and medals¹⁴, both Russian and foreign. He placed a sea view in the background, his wife's photograph on the table, and made himself look like some person of the Emperor's Family posing for an official portrait.

All these details of the dwelling somehow made one cringe. I couldn't help wondering: did a famous artist really need to advertise his connections and worldly honours?! At first glance, Aivazovsky did not make an advantageous impression. He was of average height, fairly stout, flabby, no moustache, with the sideburns of a diplomat, long gray hair, small black eyes and a penetrating gaze. He looked like an ordinary office director. If you did not know that in front of you was the creator of "The Ninth Wave", you would probably take him for a painter who

had sunk into smug self-contemplation of his own bureaucratic position, proud of finally having worked his way up to a certain salary that allowed him to acquire gilded furniture and hang a full-length portrait of himself in full regalia in the living room to impress visitors.

I unwittingly compared the host of this house with Repin¹⁵, mentally separating them by an abyss... After visiting the museum, Aivazovsky took me to his studio, a spacious, well-lit room, barely decorated at all. He showed me his new work for a fairly long time, finished and unfinished pieces. Every one of them was like a poem! Was it truly the same person — the secret Councilor, the small Tsar of Feodosia — who created all these wonders? There was an enormous canvas in the studio, barely touched by charcoal — this was Aivazovsky's future painting, "The Israelites' Passage through the [Red] Sea". Aivazovsky mentioned to me that he was not pleased with his painting on the same theme, the one that hung in his

*Скала Фиолент
близ Георгиевского
монастыря*
Открытка.
Начало XX века

*Cliff of Cape Fiolent
near St. George
monastery*
Postcard.
Early 20th century

Ялта ▼
Открытка.
Начало XX века

Yalta ▼
Postcard.
Early 20th century

museum, and had an idea to paint something new and original for the exhibition of his paintings in St. Petersburg to be held later that year¹⁶... He showed me some of his studies as well, one of which he picked out at random and gave to me as a gift¹⁷. I have to admit, that sketch was more than casual, and if I were he (who seemed to care about his reputation), I would not give such presents... While talking about his paintings, Aivazovsky livened up somewhat, his eyes began to sparkle, and when he said that he "could not live without working in his studio" I unwittingly believed him.

He seemed to be pleased when, to preserve appearances, I politely praised his portrait in full regalia. He noticed my graciousness and remarked that he had painted the portrait two years ago and that he himself did not like it. He said he was going to repaint it. When I admired a large painting in the living room of himself against red cliffs, sea gulls and sea waves, breaking against the cliffs¹⁸, he said, "Yes, this is a powerful piece!" He briefly showed his gift of recall as well, peppering his stories with the names of the ministers and the high and mighty of this world... Again, it made me cringe, this ill-placed bragging about his connections, coming from an undeniable talent who would be remembered when all those other names would be forgotten.

¹¹ Ivan Davidovich Delyanov (1818–1897), a count and statesman, an honorary member of the St. Petersburg Academy of Sciences (1859), in 1861–1882 — director of the Imperial Public Library in St. Petersburg; became the Minister of Public Education in 1882.

¹² Most likely, the reference is to Ivan Nikolaevich Durnovo (1834–1903), a statesman. Was the Minister of Internal Affairs in 1889–1895, presided over the Cabinet of Ministers (since 1895).

¹³ Aivazovsky's self-portrait is dated 1892 in all the reference books, but Zhirkevich saw it at the artist's home in 1890. Aivazovsky himself told Zhirkevich that "he had painted the portrait two years ago and he did not like it himself. He said he was going to repaint it." It is possible that Aivazovsky later made corrections to the painting.

¹⁴ A certain disdain shown by Alexandr Zhirkevich to Aivazovsky's medals speaks of his ignorance of Aivazovsky's biography and of the artist's worldwide renown. The distinguished Russian seascape painter was an honorary member of several European academies of fine arts: the Amsterdam, Rome and Paris academies (1845), the Florence academy (1876), the Stuttgart academy (1878). Beginning from 1844, the Russian government regularly decorated Aivazovsky with orders and distinctions. The artist also received honours from foreign governments and academies. In 1843 he received from the French Académie des Beaux-Arts (Academy of Fine Arts) a third-degree gold medal for "excellent works", in 1858 and 1890 — French national orders of the Légion d'honneur (Legion of Honour), and in 1887 he was named Commander of the Légion d'honneur. In 1859 Greece awarded to him the Order of the Redeemer of the Third Degree. The Sultan of Turkey conferred on him the Order of the Medjidie of the Fourth Degree in 1858, in 1874 — the Osmanieh Order of the Second Degree, in 1888 — the Order of the Medjidie of the First Degree. In 1879 the Prince of Württemberg conferred on Aivazovsky the Commander's Cross of the Order of Friedrich. (See Tretyakov Gallery: Catalogue of the Collection. Vol. 4. Painting of the second half of the 19th century. Book 1. A through M. Moscow, 2001. (The "Painting of the 18th–20th centuries" series.) P. 35.) Natalia Mamontova wrote, "In 1874, Aivazovsky was the second Russian artist after Orest Kiprensky selected to present his self-portrait to the Pitti Gallery in Florence, Italy, which holds a world famous collection of artists' self-portraits." (Ivan Aivazovsky. Moscow, 2008. P. 21.)

¹⁵ Zhirkevich met Ilya Repin at the home of poet Konstantin Fofanov in 1887, and their friendship lasted about 19 years. 120 letters from Repin to Zhirkevich have survived, as well as numerous entries about Repin in Zhirkevich's diary. Igor Grabar wrote in his introductory article to Zhirkevich's memoir, "Meetings with Repin": "Reading this diary convinces the reader of the author's indisputable truthfulness, sincerity and modesty. The author does not put himself forward or emphasize his closeness to the great man. All this transforms Zhirkevich into somebody like Goethe's Eckermann, but even more honest, considerate and smart. This diary explains a great deal in Repin's art that had been unclear and disputable before; many dates and whole stages of life are corrected and illuminated in a new way, the creative process and the stages of creation of famous pieces are restored. ...> Not a single biographer of Repin can now ignore this diary which, in its nature, is almost a biography in itself." (Repin: in 2 volumes. Khudozhestvennoye Nasledstvo, Moscow-Leningrad, 1949. Volume 2. P. 119.) In the 1890s Repin occupied a central place in Zhirkevich's life, and the artist wonderfully conveyed their mutual friendship in a pencil portrait of Alexander Zhirkevich, drawn in 1891 (The State Russian Museum).

¹⁶ The painting "The Israelites' Passage through the [Red] Sea" (1873, Aivazovsky Picture Gallery, Feodosia). Evidently, Aivazovsky later abandoned the idea to paint a new painting on this theme.

¹⁷ Presently this sketch is held at the Ulyanovsk Regional Art Museum, along with the entire immense collection of paintings, drawings, and other historical artefacts that belonged to Zhirkevich before he donated it to the state in 1922.

¹⁸ The author may be referring to the painting "The Ship Wreck" (1876, Aivazovsky Picture Gallery, Feodosia).

в неожиданном для Жиркевича свете, будучи не только мастером, вызывающим восхищение, но и человеком, много сделавшим для своего города⁹. Александр Владимирович был поражен тем, что горожане постоянно упоминали имя Айвазовского, улыбались и кланялись ему при встрече. Вот что записал Жиркевич, возвратившись в Ялту:

1890 г. 7 октября. Ялта.

Только что вернулся из путешествия в Феодосию, которое я сделал, чтобы увидеться с художником Иваном Константиновичем Айвазовским, пригласившим меня к себе очень любезным письмом в ответ на посланную мною ему мою поэму. До этого времени, хотя и встречал Айвазовского, но лично с ним знаком не был.

Поездка на пароходе, особенно две ночи, во время которых была качка, меня порядочно утомили. Тем не менее, я доволен своей поездкою. Айвазовский и милая супруга его Анна Никитична¹⁰ приняли меня очень радушно. Но сам Айвазовский произвел на меня два различных впечатления: 1) когда я был у него первый раз с визитом и 2) во время обеда у него. Первое впечатление было очень не в пользу Ивана Константиновича: передо мною явился важный барин, бюрократ, знаменитость, сознающая свое значение... Я застал у него городского голову, который что-то толковал с ним о Феодосии и ее нуждах.

Тем не менее, Айвазовский очень любезно повел меня по квартире показывать свои картины, между которыми есть чудные вещи. Затем он сошел со мною в свой музей, где мы застали какого-то господина, что-то заносящего в свою записную книжку. Айвазов-

*Вид на море от
турецкого берега
при заходе солнца*
1898
Холст, масло
38,5 × 30
Собрание В.Л.Машинского,
Лондон

*Marine View off
the Turkish Coast
at Sunset. 1898*
Oil on canvas
38.5 × 30 cm
Vitaly Machitski's
collection, London

ский, узнав, что он приехал пользоваться местными купаниями и, между прочим, хочет послать в газету записку о музее, любезно предложил ему свою купальню и велел слуге проводить этого господина туда... Во время всей беседы с незнакомцем Айвазовский значительно цедил слова и свысока, покровительственно улыбался... Когда мы вернулись в квартиру, то у меня с ним завязался разговор, который я, конечно, хотел направить на самую, по-видимому, интересную для нас обоих тему — искусство. Но Айвазовский сейчас же перешел на нужды Феодосии, на то, что он сделал для города, причем ему, видимо, было приятно, что я заметил, насколько в городе его имя популярно. Неприятно поразило меня то, что на каждом шагу он упоминал о знакомстве с Деляновым¹¹, Дурново¹² и другими бюрократическими тузами, называя их по именам и отчествам. Не понравилась мне и вся его богатая, показная, бросающаяся в глаза гостю обстановка: всюду золотые стулья, зеркала, рамы — все золоченое, как в купеческих домах, даже драпировка в зале золотистого цвета. Между вещами, действительно художественными, попадаются вещи

безвкусные. В гостиной на виду расставлены карточки особ царской Фамилии и министров, с надписями по адресу хозяина дома, причем все эти карточки поставлены так, что надписи читаешь невольно. Кроме этих особ не поставлено ничего. Наконец, в соседней комнате огромный портрет Ивана Константиновича во весь рост, рисованный им самим¹³, где он изобразил себя в расшитом мундире, обвешал себя всеми звездами и орденами, как русскими, так и иностранными, которые имеет¹⁴, поместил сзади себя картину — вид моря, на столе поставил карточку своей жены, а себе придал вид какой-то особы императорской Фамилии, как их изображают на официальном портрете...

От всех этих подробностей квартиры как-то невольно коробило! Невольно приходит на ум: нужна ли знаменитому художнику такая реклама о связях и почестях мирских?! Наружность Айвазовского в первую минуту производит невыгодное для него впечатление: среднего роста, довольно тучный, обрюзгший, без усов, с дипломатическими бакенбардами, длинными седыми волосами с черными, пронизательными молодыми глазами, он

Корабль в ночном море. 1864
Холст, масло
58,5 × 78
Собрание В.Л.Машицкого, Лондон

A Ship on the Night Sea. 1864
Oil on canvas
58.5 × 78 cm
Vitaly Machitski's collection, London

Aivazovsky introduced me to his wife, mentioned a bunch of generalities about my book, and again immersed himself in conversation with the town's mayor, having invited me to “drop in for dinner at half past four”. I understood that my further presence would be inconvenient and took my leave.

I had a walk to see Feodosia. It was a miserable town rising from the ashes, a dreary place indeed. One good thing about it was the constantly roaring sea and harmoniously rustling sand at the foot of ancient towers built by the Genoese, according to legend. Everybody in town, at every turn, spoke of Aivazovsky. There was a boulevard named after Aivazovsky

and a fountain named for “Ivan Konstantinovich Aivazovsky.” The museum on the hill displayed Aivazovsky's paintings and the portrait of general Kotlyarevsky¹⁹. There was an altarpiece in the main church: “Christ Walking to Peter on the Water”²⁰, painted by Aivazovsky. Aivazovsky's name was on everyone's lips — in the hotel, in the shops. I have to admit, he was praised by everyone as a kind and good man, as well as Feodosia's benefactor. But why did he have to paint his name on an icon in such a way that it was visible from the middle of the church?...

At four o'clock I was at my gracious host's. Madame Vinogradov was there as well, the very pretty, sprightly wife of the chief naval prosecutor. Aivazovsky had introduced me to her husband that same day. I also met chamberlain Khrushchov²¹ who held some post at Pobedonostsev's²² office. Until dinner we sat on the veranda with a view of the sea, the city and Suvorin's²³ dacha, a wildly tasteless piece of architecture. It was still fairly light outside. We dined in our outer garments, in the open air, on a lower terrace overgrown with vines. During dinner Aivazovsky brought a parrot outside, and turned on the fountain. I ate heartily to the accompaniment of the burbling fountain. By the way, *shashlyk* was served (a local dish), which I ate for the first time, but about which I had read and heard quite a bit.

Khrushchov spoke more than others at dinner, mostly on religious themes. He argued that it was understandable to convert from one religion to another, especially to Orthodox Christianity. Ivan Konstantinovich and Madame Vinogradov contradicted him. The former said that one very rarely converted to another reli-

gion for faith and not gain, and the latter very cleverly elaborated on the issue that one should not abandon the faith of one's fathers.

Next, the clergy was discussed. Khrushchov, who was evidently an expert on that topic, told us many interesting facts. He complained of the poor quality of our clergy... Recently, Pobedonostsev lamented the same thing in a conversation with him...Where did good priests come from? “Not so long ago”, said Khrushchov, “I visited the eparch of Orlov. I went to him at the request of some acquaintances to complain about a certain priest. His Grace listened to my request, went to the other room, and returned with an enormous book which listed all the clergy of his eparchy by name, with mention of all their moral qualities, family status, etc. His Grace opened the book on the page with that priest's name and pointed to all the priest's antics and punishments — incurred more than once — that were noted there. The other page listed the priest's seven children. His Grace then said to me: ‘You, Your Highness, are telling me to get rid of him, but what shall we do with his children, who are innocent? And whom shall I replace him with? They all have shortfalls, large or small, they all have families, they all struggle and sin for a piece of bread... Do you think I do not know anything about this priest? I do know everything, but I am silent. I am silent because it is not in my power to do anything! For the same reason, [two words of illegible text] to give better priests. I will deny you your request, because the person in question is not even among the most compromised.’

“Then,” continued Khrushchov, “I pointed out that good priests should be fostered in seminaries. ‘Yes’, answered His Grace, ‘but the eparch plays quite a modest role there, and his supervision is a burden for himself rather than a service to the cause.’”

Khrushchov spoke with admiration of our Alexei Vilensky²⁴ whom he knew well and to whom he sent a letter through me, asking to send photographs. “There is only one thing that casts a shadow on his activity: he never conducts a sermon,” remarked Khrushchov. “Pobedonostsev is aware of that, and, even though he thinks most highly of Alexei, he calls him ‘the silent one’²⁵. A man as smart as Alexei could have done much good by his sermons.”

Here Aivazovsky intervened and expressed quite an absurd idea: that only fools and mediocrities speak a lot, but truly talented people are mostly silent, that Pushkin spoke little (!), and so on. In my turn, I referred to only spiritual speakers — Macarius, Innocentius and others — and expressed my doubt that there was any evidence to suggest that Pushkin had been silent...

We spoke about John of Kronstadt²⁶ and his miracles... After that Khrushchov said that, given our clergy, in about 100 or 200 years Orthodoxy would fall and

И.Е.Репин
Фотография с дарственной надписью «Дорогому Александру Владимировичу Жиркевичу на добрую память. И.Репин. 17 марта 1890»
Государственный музей Л.Н.Толстого, Москва

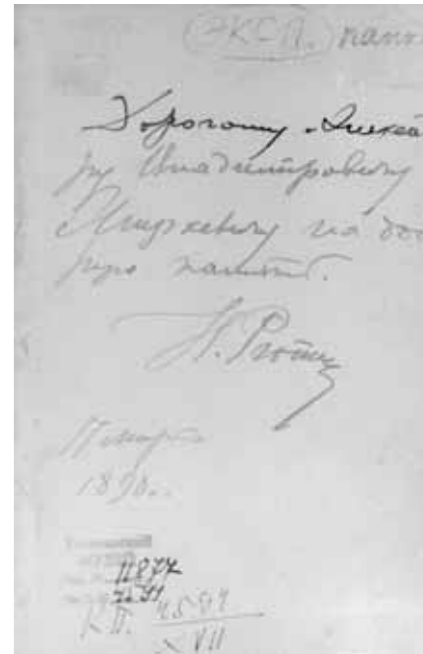
Илья Репин
Photograph with a presentation inscription “To the dearest Alexander Vladimirovich Zhirkevich as a keepsake. Ilya Repin. March 17, 1890”
Leo Tolstoy Museum, Moscow

И.Е.РЕПИН
Портрет А.В.Жиркевича. 1891
Бумага, итальянский карандаш, растушка
40,9 × 29,8
ГРМ

Илья REPIN
Portrait of Alexander Zhirkevich. 1891
Italian pencil, blending stump on paper
40.9 × 29.8 cm
Russian Museum

похож на самого заурядного правителя какой-нибудь департаментской канцелярии. Если бы не знать, что перед собой видишь творца «Девятого вала» то, наверное, принял бы его за живописца, погрязшего в самодовольное созерцание своего бюрократического положения и горящегося тем, что он, наконец, дослужился до известного оклада жалования, дающего ему возможность завести себе раззолоченную мебель и повесить свой портрет во весь рост в гостиную со всеми декорациями для вящего вразумления посетителей.

Я невольно сравнил хозяина этого дома с Репиным¹⁵ и мысленно положил между ними бездну... Из музея Айвазовский провел меня в свою мастерскую — огромную, светлую, почти без всяких украшений комнату, где довольно долго показывал свои новые картины, оконченные и неоконченные. Что ни картина — то поэма!. Неужели этот тайный советник, царек Феодосии — творец всех этих чудес?? В мастерской стоит огромный холст, едва только зачерченный углем — будущая картина Айвазовского «Переход израильтян через Черное море». Айвазовский заметил мне, что недоволен своей картиной того же содержания, повешенной у него в музее и задумал написать для предполагаемой в этом году выставки его картин в Петербурге нечто новое и оригинальное¹⁶... Показывал он мне и некоторые свои этюды, один из кото-

рых, наудачу, подарил мне¹⁷. Признаться, этюд более чем небрежен, и я бы на месте Айвазовского, видимо, забоявшегося о своей репутации, не делал бы таких подарков... При рассказе о содержании всех своих картин Айвазовский немного оживился, глаза его засверкали, и когда он сказал, что «не может жить без работы в мастерской», я повесил... этому невольно.

Когда я, для приличия, похвалил его портрет (в орденах), то это было ему, видимо, приятно, он понял мою любезность и заметил, что портрет, писанный два года тому назад, ему самому не нравится, и он намерен его переписать заново. Когда же я восторгался большой картиной его, висящей в гостинице, на которой изображены красные скалы, чайки и море, о скалы разбивающиеся¹⁸, то он заметил: «Да, это сильная вещь!» Показывал он мне бегло и свои юбилейные подарки и мне пересыпал рассказы о них именами министров и сильных мира сего... И снова

меня корбило от этого неуместного хвастовства своими связями со стороны несомненного таланта, которого будут помнить тогда, когда эти имена забудутся. Наговорив кучу общих мест о моей книге и представив меня своей жене, Айвазовский опять углубился в беседу с городским головою, пригласив меня «запросто на обед в 4 1/2 часа». Я понял, что дальнейшее мое пребывание может его стеснить и отклонялся...

Отправился я осматривать Феодосию. Жалкий, из пепла возрождающийся городишко, местность самая шумящее море, довольно гармонично шелестящее морским песком у подножия развалин древних башен, по преданию построенных еще генуэзцами. В городе на каждом шагу все говорит об Айвазовском. Бульвар называется «Айвазовским» и фонтан «Ивана Константиновича Айвазовского». В музее на горе картины Айвазовского и портрет генерала Котляревского¹⁹... В главной церкви запрестольный образ — «Христос, идущий к Петру по морю»²⁰ — работы Айвазовского... Везде на устах имя Айвазовского: в гостинице, в лавках, и надо сознаться, что его хвалят как доброго, хорошего человека вообще, и в частности, как благодетеля Феодосии. Но зачем только намазывал свое имя на иконе, да так, что его можно прочесть с середины церкви?..

В 4 часа я был у любезного хозяина: застал там м-ме Виноградову, очень хорошенькую и бойкую дамочку, жену главного военно-морского прокурора, с мужем которой я познакомлен был в тот же день Айвазовским, и камергера Хрушова²¹, состоящего чем-то при Победоносцеве²². До обеда мы сидели на террасе дома, откуда видно море, город и дача Суворина²³, — дикой безукусной архитектуры. Хотя было довольно светло, но обедали, накинув

¹⁹ The museum was conceived by Aivazovsky as a unique memorial to Pyotr Stepanovich Kotlyarevsky (1782–1851), the hero of Russo-Persian wars in the Caucasus. Kotlyarevsky was a talented commander who made his way from a soldier to a general. He is buried in the garden of his estate, “Kind Shelter” (Dobryi Priyut), near Feodosia. Aivazovsky decided to immortalize the hero's memory, and in 1871 he personally financed the construction of a new building (designed by Alexander Rezanov) and placed it on a picturesque spot on Mount Mithridates. At the front of the building was a chapel decorated with the St. George's Cross (a reminder of the hero's victories), the icon of the Apostle Peter, and Aivazovsky's portrait of Kotlyarevsky. The rest of the building was occupied by the archaeological museum of Feodosia's antiquities.

²⁰ “Christ Walking to Peter on Water” (1873, Aivazovsky Picture Gallery, Feodosia).

²¹ The author may be referring to Ivan Petrovich Khrushchov (1841–1904) — a philologist, educator and publisher. A member of the Academic Committee at the Ministry of Public Education, and chairman of the publishing society under the auspices of the Committee in Charge of Selecting Texts for Mass Publication (since 1881).

²² Konstantin Petrovich Pobedonostsev (1827–1907), a statesman, legal scholar, writer, translator, church historian. He taught jurisprudence and law to the heirs of the Russian throne (the future emperors Alexander III and Nicholas II). Pobedonostsev was a member of State Council (from 1872) and Chief Prosecutor of Most Holy Synod in 1880–1905.

²³ Alexei Sergeevich Suvorin (1834–1912), a journalist, publisher, political writer and theatre critic and owner of a major newspaper Novoye Vremya (New Times) (since 1876) and the Istorichesky Vestnik (Historical Newsletter) magazine (since 1880); he published academic literature, and works of Russian and international authors.

²⁴ Alexei (secular name Alexander Fyodorovich Lavrov-Platonov; 1829–1890) — Bishop of Lithuania and Vilna since 1885, theologian, Archbishop of Vilna and Lithuania from 1886 to 1890.

²⁵ Leo Tolstoy told Zhirkevich the same thing. Zhirkevich wrote in his diary, “Tolstoy knew the late Lithuanian archbishop Alexei ‘The Silent One’ (as Pobedonostsev called him) when he was still in Moscow, and characterized him as ‘a good, kind person.’” (Zhirkevich had started the conversation by praising Alexei, whom he had known well in Vilna). From Alexander Zhirkevich. Meetings with Tolstoy. Diaries. Letters. Tula. 2009. P. 199.

¹⁵ С И.Е.Репиным А.В.Жиркевич познакомился в доме поэта К.М.Фофанова в 1887 году, их дружба длилась около 19 лет. Сохранились 120 писем Репина к Жиркевичу и многочисленные записки в дневнике Жиркевича о художнике. Во вступительной статье к воспоминаниям Жиркевича «Встречи с Репиным» И.Э.Грабарь писал: «Чтение дневника убеждает читателя в беспорной правдивости, искренности и скромности автора, не выдвигающего себя самого и не подчеркивающего своей близости к великому человеку. Все это превращает Жиркевича в своеобразного гетевского Эккермана при Репине, но еще более честного, корректного и умного. Многие в искусстве Репина, бывшее до сих пор непонятым и спорным, этим дневником разъясняется; немало дат и целей вех жизни исправляется и освещается по-новому, восстанавливается творческий процесс и этапы создания знаменитых произведений <...> Ни один биограф Репина не сможет отныне обойти молчанием этого дневника, носящего характер почти репинской автобиографии» (цит. по: Репин. В 2-х т. Т. 2. Художественное наследие. М.-Л., 1949. С. 119). В 1890-е годы Репин играл очень важную роль в жизни Жиркевича, их обоюдное дружеское расположение замечательно передано мастером в карандашном портрете Александра Владимировича, написанном в 1891 году (ГРМ).

¹⁶ Картина «Переход израильтян через Черное море» (1873, Феодосийская картинная галерея им. И.К.Айвазовского). Видимо, в дальнейшем Айвазовский отказался от идеи написать новую картину на эту тему

¹⁷ В настоящее время этюд находится в Ульяновском областном художественном музее, как и вся огромная коллекция живописи, рисунков, графики, предметов историко-культурного значения, принадлежавшая А.В.Жиркевичу и переданная им государству в 1922 году.

¹⁸ Возможно, речь идет о картине «Кораблекрушение» (1876, Феодосийская картинная галерея им. И.К.Айвазовского).

¹⁹ Музей был задуман Айвазовским как своеобразный мемориал герою русско-персидских войн на Кавказе Петру Степановичу Котляревскому (1782–1851) — талантливому военачальнику, прошедшему путь от рядового до генерала и похороненному в саду своей усадьбы «Добрый приют» близ Феодосии. В 1871 году, решив увековечить память Котляревского, в живописном месте на горе Митридат художник на собственные средства построил новое здание (архитектор А.И.Резанов). В его передней части разместились часовня, где находилась икона с изображением апостола Петра, Георгиевский крест, напоминавший о победах героя, и портрет Котляревского работы Айвазовского. В остальных помещениях расположился Феодосийский музей древностей.

²⁰ «Хождение по водам» (1873, Феодосийская картинная галерея им. И.К.Айвазовского).

²¹ Возможно, речь идет об Иване Петровиче Хрущове (1841–1904) — филолог, педагог, издатель. Член ученого комитета Министерства народного просвещения, председатель издательского общества при Постоянной комиссии народных чтений (с 1881).

²² Константин Петрович Победоносцев (1827–1907) — государственный деятель, ученый-правовед, писатель, переводчик, историк Церкви. Преподавал законоведение и право наследникам российского престола (будущим императорам Александру III и Николаю II). С 1872 года член Государственного Совета, в 1880–1905 годах обер-прокурор Святейшего синода.

²³ Алексей Сергеевич Суворин (1834–1912) — издатель, публицист, театральный критик. Издавал в Санкт-Петербурге газету «Новое время» (с 1876), журнал «Исторический вестник» (с 1880), сочинения русских и иностранных писателей, научную литературу.

Степной пейзаж. В Крыму. 1868
Холст, масло
27 × 43,2
Собрание В.Л.Машицкого, Лондон

Steppe Landscape in the Crimea. 1868
Oil on canvas
27 × 43.2 cm
Vitaly Machitski's collection, London

transfer to Catholicism, because Catholic priests were smarter and the Catholic religion allowed everything under certain conditions. “By the way, only Orthodoxy has a truly moral doctrine, and only Orthodoxy, with time, may serve as a stronghold of peace in Europe!” Aivazovsky diplomatically avoided the issue of Orthodoxy and remarked that one must not so indiscriminately rebuke all other religions: “Even any pseudo-doctrine contains a fraction of truth. Pashkov’s²⁷ religion is absurd, but if you study it, you will see that it, too, has a grain of truth. Some dissenters’ teachings are based on true ideas but darkened by ritualism... Therefore, one given religion may not be considered the only one that is true; every

religion has something that is dear to people of a certain mentality, something that they consider gospel truth. Therefore every religion has a lawful right to exist.” Khrushchov asked me in detail about Alexei and drew a parallel between him and other archbishops — a parallel none too complimentary to the others. Evidently, he had spent his entire life in these circles and was well acquainted with the everyday life of clergy high and low.

Khrushchov and I discussed the upcoming opening of the monument in Simferopol at length, and we spoke about the Polish issue in the North-Western region. As for Aivazovsky, he was mostly silent, perhaps remembering his opinion of those who spoke too much. His wife also kept silent, as if afraid to speak up in her husband’s presence.

After dinner everyone walked to the upper terrace, where a wonderful view of the sea opened up. Aivazovsky [one word of illegible text] somewhere with Khrushchov. Madame Vinogradov left, and I was left alone with Anna Nikitichna. She suddenly became very talkative. She spoke about literature, about the lack of social life in Feodosia, about her love of poetry. It was clear that she was a simple, kind and sensible Russian woman, a stranger to aristocracy, which her husband had surrounded himself with, and hardly happy in her marriage. (I concluded three things, based on her conversation with Aivazovsky about some trip that she was

opposed to, and some half spoken words and glances between them: first, that Aivazovsky was terribly jealous; second, that there was not much agreement between the two spouses²⁸; and third, that Anna Nikitichna, submissive and silent in appearance, was not one of those women who you could push around as you wished.)

Before and during tea, Aivazovsky appeared as his other, more attractive, self. We spoke about art, and this time he spoke a lot and for a long time, about art in general and about the Academy of Arts and Russian artists in particular. He placed Repin higher than any other artist. He said that he found Repin a strange person. (Aivazovsky’s wife noted the same thing about Repin. I have no idea why they found Ilya Yefimovich so strange!) “He is a black sheep,” remarked Aivazovsky, “But the Academy of Arts must ensnare such a black sheep. He is the only one that we have! I have just recently told about it to those in St. Petersburg who should know!”

Regarding new developments in the Academy of Arts, Aivazovsky said that he had received a circular letter from Grand Prince Vladimir Alexandrovich²⁹, in which he was asked to solve some issues by expressing his sincere opinion about them!

“Here is what I wrote to Petersburg,” said Aivazovsky. “The important and original thing in my letter, and what probably would surprise many, was my opinion

Закат. Тройка в степи. 1865
Дерево, масло
24 × 32,2
Собрание В.Л.Машицкого, Лондон

Sunset. A Troika on the Steppe. 1865
Oil on panel
24 × 32.2 cm
Vitaly Machitski's collection, London

верхнее платье, на открытом воздухе, на нижней террасе, обросшей виноградом. Во время обеда Айвазовский принес попугая, а затем пустил фонтан, и под его журчание я с аппетитом пообедал. Между прочим, подавался шашлык (местное блюдо), которое я ел в первый раз, но о котором много и читал, и слышал.

За обедом более всех говорил Хрущов, более на религиозные темы, доказывая, что переход из одной религии в другую, особенно в православную, понятен, а Иван Константинович и Виноградова его опровергали, причем первый доказывал, что очень редко меняют религию по убеждению, [а] не из выгоды, а вторая довольно умно развивала мысль о том, что не надо бросать веру своих отцов...

Перешли на вопрос о духовенстве, и Хрущов, видимый знаток в этом деле, рассказывал много интересных фактов. Он жалуется на дурной по качеству состав нашего духо-

венства... Недавно об этом же вздыхал в разговоре с ним и Победоносцев... Откуда взять хороших священников? «Не очень давно, — рассказывал Хрущов, — я был у Орловского архиерея, жалуясь на одного батюшку, по просьбе знакомых. Владыка, выслушав мою просьбу, пошел в другую комнату и принес огромную книгу, в которой поименовано все духовенство его епархии, с отметинами о нравственных качествах, о семейном положении и т. д. Открыв книгу на листе, где стояла фамилия священника, о котором шла речь, Владыка показал, что там записаны все его проделки и наказания, которым он подвергался за них, а на другой странице стояло 7 человек детей. Тогда Владыка и сказал мне: “Вы, Ваше Превосходительство, говорите прогнать его, а что станем мы делать с его детьми, ни в чем не повинными? И кого я дам Вам вместо него? Все более или менее с большими недостатками, и у всех семьи, все бьются и грешат из-за куска хлеба... Вы думаете, я не знал ничего про этого священника? Нет, все знаю, но молчу. Молчу, потому что не в силах что-либо сделать! И по той же причине, моему [два слова неразб.] дать лучших священников. Я откажу Вам в Вашей просьбе: указываемое Вами лицо еще из не очень скомпрометированных” — “Тогда, — продолжал Хрущов, — я указал ему на семинарию,

как на средство воспитать хороших священников” — “Да, но архиерей играет там весьма скромную роль, и его почетный надзор, скорее бремя для него, чем польза для дела”, — отвечал Владыка».

Хрущов восторгался нашим Виленским Алексеем²⁴, которого хорошо знает и к которому посылает через меня записку, с просьбой о высылке фотографий. «Одно, что кладет тень на его деятельность — это то, что он никогда не говорит проповедей», — заметил Хрущов. «Это известно и Победоносцеву, который хотя и самого высокого мнения об Алексее, но зовет его “нашим молчальником”²⁵. Такой умница как Алексей, мог бы много пользы приносить своими поучениями». Тут вмешался в разговор Айвазовский и высказал довольно абсурдную мысль, что много говорят только дураки и заурядные люди, что истинно талантливые люди больше молчат, что Пушкин мало говорил (!!) и т.д. Я, в свою очередь, сослался только на одних духовных ораторов — Макария, Иннокентия и других, выразив сомнения, чтобы у нас могли быть данные для того, чтобы заподозрить Пушкина в молчании...

Заговорили об Иоанне Кронштадском²⁶, его чудесах... Затем Хрущов стал проводить ту мысль, что при нашем духовенстве через 100—200 лет православие должно пасть и перейти

²⁶ John of Kronstadt (secular name Ivan Ilyich Sergiev; 1829–1908), a spiritual writer, priest and thinker, archpriest and dean of the Cathedral of St. Andrew Protokletos (The First-Called) in Kronstadt. In his lifetime he was worshipped as a “man of prayer and protector” of the believers. He founded several monasteries, churches and charity institutions. He was canonised by the Russian Orthodox Church in 1990.

²⁷ Pashkov’s religion. The reference is to one of the protestant movements whose active proselytizer was Vasily Alexandrovich Pashkov (1831–1902). Notwithstanding his successful military career (in 1849 he graduated with honours from the Page Corps (the military school for the children of noblemen) and served at a horse-guardsmen’s regiment, and later, at the Military Ministry, he quit the service at the end of 1858. In the late 1870s he acted as a reformer and preacher, following in the footsteps of the English preacher Lord Grenville Radstock.

²⁸ Most likely, Zhirkovich was confused by the couple’s difference in age, and he took their marriage for a certain misalliance. In reality, according to numerous eyewitnesses, the spouses lived in total harmony. After Ivan Konstantimovich’s death, Anna Nikitichna wore a black dress and led a reclusive life. She never left her apartment in 25 years; all the wars, the revolution, hunger and ruin went past her, and nothing made this self-appointed recluse leave her house. One can only admire this remarkable woman’s devotion to her husband’s memory. She lived with her sister and her sister’s children. In 1925 the mother of the new director of the Aivazovsky Art Gallery persuaded Anna Nikitichna to go to the seashore with her. After that, Anna Nikitichna liked going there in the evenings, sitting on the bench and looking at the sea. Local residents began calling this bench “the bench of Anna Nikitichna Aivazovskaya”.

²⁹ Grand Prince Vladimir Alexandrovich Romanov (1847–1909) was a well-known philanthropist, patron of many artists. He had a valuable collection of paintings.

²⁴ Алексий, в миру Александр Федорович Лавров-Платонов (1829–1890) — епископ Литовский и Виленский (с 1885), архиепископ Литовский и Виленский (1886–1890), богослов.

²⁵ То же говорил А.В.Жиркевичу и Л.Н.Толстой. Александр Владимирович записал в дневнике: «Толстой знал покойного Литовского архиепископа Алексея “Молчальника” (как его звал Победоносцев), когда тот был еще в Москве, и заметил о нем: “Это был хороший, добрый человек”. (Разговор об Алексее начал я, хвали покойного владыку, которого хорошо знал по Вильне)» (цит. по: Жиркевич А.В. Встречи с Толстым. Дневники. Письма. Тула, 2009. С. 199).

²⁶ Иоанн Кронштадтский, в миру Иван Ильич Сергиев (1829–1908) — духовный писатель, проповедник и мыслитель. Протоиерей и настоятель собора Андрея Первозванного в Кронштадте. При жизни почитался как «молитвенник и заступник» верующих. Основал ряд монастырей, храмов и благотворительных учреждений. Канонизирован Русской православной церковью в 1990 году.

Парусник у берегов
Ялты. Вид на Аю-даг
1893
Холст, масло
24 × 40
Собрание В.Л.Машицкого,
Лондон

A Sailboat off the Coast
of Yalta. View of Mount
Ayu-Dag. 1893
Oil on canvas
24 × 40 cm
Vitaly Machitski's
collection, London

based on my personal experience of studying at the Academy. During this course, science lectures must not be combined with painting classes, because one thing would certainly interfere with the other! I know by my own experience that, once you fully devote yourself to creative work, you cannot successfully engage in something else, and the other way around: weariness from the course subjects would surely weaken creative freshness. Autumn days in St. Petersburg are gloomy with the early dusk, during which you can't paint. Let that autumn – three months – be wholly dedicated to the anatomy course, art theory and other such courses, without making students paint and engage in any activity that demands creative focus. Such an order of things would only help the learning process. It would be cheaper, too, because teachers would be hired for a shorter period of time and would charge less than they do now when the course lasts the whole year. This was my main idea.

“I also think that we should pay more attention to raw natural talent and admit naturally gifted students into the Academy without demanding that they meet strict academic qualifications. Once enrolled, if they have a remarkable talent, they should be given an opportunity to take private lessons on the side, thus compensating for their lack of education. What is the good of having a multitude of mediocre students who were admitted only because they had met certain academic qualifications? There might be a Repin among those who were never admitted and who, because of that, may not follow his direct path.

“Furthermore, I find it necessary that the Academy should direct each student to a path according to his inclination, and not allow students to choose a type of painting on a whim. Some of them might be carried away by paintings by Sudkovsky³⁰ or Aivazovsky, fancy themselves marine painters and begin painting seascapes without having any capacity for it... Youngsters often are mistaken in determining their abilities: it is the task of older people to direct them to their true path. Also, parents look at their children in a biased and strange way. Sometimes parents mistake for talent a general trait that all children have: striving to smear everything around them in charcoal and paint. More than once such parents asked me to look at their children's drawings, to see if they have talent. I have always poured the cold water of merciless irony and criticism on such crouching before my opinion. Here is how parents think: ‘Aivazovsky's profit from his paintings is about 20,000 a year. But, of course, he is a talent! Our son is, of course, less talented... Still, if he has a half or a quarter of Mr. Aivazovsky's talent, he may make ten or five thousand a year... It is better than some clerk's salary...’ Parents don't understand the whole stupidity of their theory of splitting talent into fractions. Talent can't be divided in such a way! There is only talent or mediocrity, nothing else! I have always opposed the idea of letting young people choose a genre in painting, as I have seen many examples of what it leads to.”

In further conversation, Aivazovsky severely criticized the routine of teaching many subjects at the Academy of Arts. For instance, he considered teaching anatomy

to the extent that it was taught, not only unnecessary, but harmful. “All those muscles, bones, nerves – it just confuses a student. Soon a student will be painting models, real living people whose muscles and bones are hidden beneath their skin, and whose limbs look different with skin than the same limbs without skin. A student who has studied the musculature and skeleton at length and so on will try to apply his knowledge of anatomy while painting a real living person, and he will end up painting unnaturally posed people of unnatural body shapes. Also, we rarely see a nude body, and a clothed body has a totally different form. Only painting from life teaches students to truly convey life. As for all those skeletons and mannequins with muscles: it is all nonsense, and harmful, easily forgettable nonsense at that!” Aivazovsky quite approves the idea of eliminating the discord between the Scholastics and the Wanderers, and is very pleased with Count Tolstoy's³¹ and Bobrinsky's activities. “But old professors, such as Lemokh³², are blocking the way! They feel that they will lose their significance when a stream of fresh air gets inside the Academy... The Academy needs this fresh air... Isn't it shameful for us

³⁰ Rufim Gavrilovich Sudkovsky (1850–1885), a Russian landscape and marine painter.

³¹ Count Dmitry Andreevich Tolstoy (1823–1889), a statesman and historian. An honorary member (1866), and since 1882 the president of the St. Petersburg Academy of Sciences. In 1865–1880 Tolstoy served as an attorney-general at Holy Synod, in 1866–1880, as a minister of public education, and since 1882, as a minister of home affairs.

³² Karl (Kirill) Vikentyevich Lemokh (1841–1910), a painter, graphic artist and etcher, master of genre painting; he created portraits and landscapes, and worked on peasant themes.

в католичество, так как ксендзы умнее, а католическая религия все разрешает под известными условиями. «А, между тем, только Православие и составляет истинно нравственное учение, и только православная Россия со временем может послужить оплотом мира Европы!» Айвазовский обошел политично вопросы о православии и заметил, что нельзя так огульно бранить все прочие религии: «Во всяком даже лжеучении есть своя доля истины! Пашковская религия²⁷ – абсурд, а между тем, изучите ее, и Вы увидите, что и в ней есть доля истины. Некоторые раскольничьи толки имеют в основе верные, только затемненные обрядностями идеи... Нельзя, поэтому, только одну религию считать истинной: в каждой религии есть то, что дорого человеку известного склада ума и что он считает за истину непреложную. Поэтому всякая религия имеет законное право существовать». Хрушов подробно расспрашивал меня об Алексее и приводил параллели между ним и другими Владыками, не очень для них лестные... Видимо, он всю жизнь вращается в этой сфере и хорошо знаком с бытом духовенства, как высшего, так и низшего.

Мы много говорили с Хрушовым о предстоящем открытии памятника в Симферополе, о польском вопросе в северно-западном крае, но Айвазовский более помалкивал, вероятно, помня свой взгляд о много говорящих. Супруга его тоже молчала, как бы боясь высказывать при муже.

После обеда все пошли на верхнюю террасу, откуда чудный вид на море. Айвазовский [неразб.] куда-то с Хрушовым. Виноградова уехала, и я остался один с Анной Никитичной. Тут она вдруг разговорилась о литературе, об отсутствии общественной жизни в Феодосии, о любви своей к поэзии. Видимо, что это простая, добрая и неглупая русская женщина, чуждая аристократизма, которым окружил себя ее супруг, и едва ли счастливая в семейной жизни (из разговоров ее с Айвазовским о какой-то поездке, против которой она восставала, и которую она все-таки сделала, и из некоторых полуслов между ними и взглядов, я заключил три вещи: 1) что Айвазовский страшно ревнив, 2) что согласия между супругами немного²⁸, 3) что покорная и молчаливая по наружности Анна Никитична не принадлежит к числу тех женщин, которыми можно вертеть по капризу.

До чаю и за чаем Айвазовский явился уже мне во втором своем виде, более для меня симпатичном. Заговорили об искусстве, и на этот раз он много и долго говорил, как об искусстве вообще, так и об Академии художеств и русских художниках в частности. Он выше всех ставит Репина, находя, что тот, как человек, странный (это же заметила и супруга Айвазовского о Репине. Что они нашли в Илье

Корабль в штормовом
море. 1886
Холст, масло
92 × 75
Собрание В.Л.Машицкого,
Лондон

A Ship on the Stormy
Sea. 1886
Oil on canvas
92 × 75 cm
Vitaly Machitski's
collection, London

Ефимовиче странного – не знаю!) «Хотя это и урод, – заметил Айвазовский, – но такого уroda наша Академия должна залучить к себе. Он единственный у нас! Я еще недавно говорил об этом в Петербурге кому следует!»

Относительно новых проектов о порядках в Академии художеств, Айвазовский рассказал, что получил циркулярное письмо от Великого Князя Владимира Александровича²⁹, в котором его просят разрешить некоторые вопросы, высказав о них откровенное мнение!

«Главное и оригинальное, что я написал в Петербург, – говорил Айвазовский, – и что, вероятно, удивит многих – это мое мнение, основанное на личном опыте прохождения курса в Академии, что нельзя во время этого курса смешивать в одно лекцию по наукам и занятия по живописи; одно другому будет непременно мешать! По себе знаю, что раз отдавшись серьезно работе творчества, не можешь с успехом заниматься чем-либо другим, и наоборот, усталость от занятия предметами

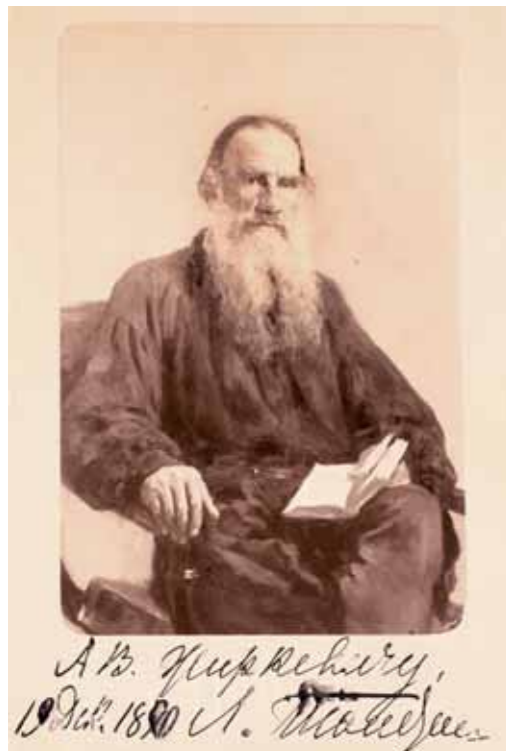
курса непременно ослабит свежесть творчества. Осень в Санкт-Петербурге отличается мрачными днями, во время которых рано наступают сумерки, и в течение которых писать картины нельзя. Пусть бы эту осень (3 месяца) всецело отдали изучению курса анатомии, теории искусства и т. п. предметам, не заставляя учеников писать картины и вообще предаваться занятиям, требующим сосредоточения творчества. От такого порядка только выиграет преподавание предметов, которое станет и дешевле, так как учителя будут наниматься на более короткий срок и, в общем, будут брать менее, чем теперь, когда курс растянут на год. Это – главная моя идея, которую я проводил. Затем, я нахожу, что следует обращать более внимания на наши самородки, допуская их в Академию без требования строгого образовательного ценза, и по принятии в Академию, если у них недюжинный талант, давать и им возможность брать частные уроки на стороне, и тем дополнять пробелы своего образования. Что за толк, что у нас масса учеников-посредственностей, принятых только потому, что удовлетворяют известному образовательному цензу. А какой-нибудь Репин может и не попасть в ученики и, за нуждой, сбиться со своего прямого пути. Далее, я нахожу необходимым, чтобы Академия направляла таланты своих учеников на свойственную каждому из них дорогу и не давала бы ученикам возможности избирать род живописи по личному капризу. Иной, увлекшись картиной Судковского³⁰, Айвазовского, вообразит, что он тоже призван быть маринистом, и примется за писание

²⁷ Имеется в виду секта евангельских христиан в России в конце XIX века, руководителем которой стал Василий Александрович Пашков (1831–1902). Несмотря на успешно складывавшуюся карьеру военного (в 1849 блестяще окончил Пажеский корпус, служил в Кавалергардском полку, затем в Военном министерстве), в конце 1858 года уволился со службы. С конца 1870-х выступает в роли религиозного реформатора и проповедника, став последователем английского лорда Пренли Редстока.

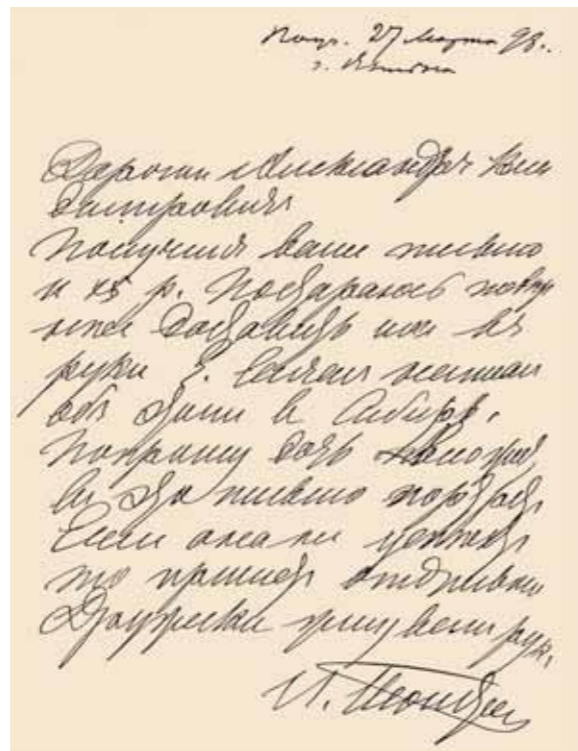
²⁸ Скорее всего, А.В.Жиркевича смутила разница в возрасте между супругами, и он расценил их брак как некий мезальянс. На самом же деле, по многочисленным свидетельствам, супруги жили в полном согласии. После смерти Ивана Константиновича в знак траура Анна Никитична всегда носила черное платье и вела жизнь затворницы. В течение 25 лет она ни разу не оставила своей квартиры; мимо нее прошли все войны, революции, голод и разруха, но ничто не заставило выйти добровольную затворницу из дома. Остается лишь восхищаться преданностью этой удивительной женщины. Жила она вместе со своей сестрой и ее детьми. В 1925 году мать нового директора галереи Айвазовского уговорила Анну Никитичну пойти с ней к морю. С тех пор вдова художника полюбила ходить туда вечерами, сидеть на скамейке и смотреть на воду. Местные жители стали называть эту скамейку «скамейкой Анны Никитичны Айвазовской».

²⁹ Владимир Александрович Романов (1847–1909) – великий князь, известный меценат, покровитель многих художников, собрал ценную коллекцию живописи.

³⁰ Руфим Гаврилович Судковский (1850–1885) – пейзажист, маринист.

Л.Н.Толстой
Фотография,
подаренная
А.В.Жиркевичу
в его первый приезд
в Ясную Поляну
19 декабря 1890
Государственный музей
Л.Н.Толстого, Москва

Письмо Л.Н.Толстого
относительно помощи
заключенному
Е.Е.Егорову,
следственное дело
которого вел
А.В.Жиркевич. 1898
Государственный музей
Л.Н.Толстого, Москва

Л.Н.Толстого, Москва
Leo Tolstoy's letter
concerning assistance
to the prisoner Yegorov,
whose case was investi-
gated by Alexander
Zhirkevich. 1898
Leo Tolstoy Museum,
Moscow

probably had never read it!) He invited me to come to see him in Petersburg. One other trait that I noticed about him was his miserliness. I asked him to give me his photograph in memory of my visit, and this almost made him angry. "Those photographs are just wasteful", he said, "I end up spending up to 300 rubles a year for them, a small fortune!" I noted that one could buy a photograph, but one would be happier to have the inscription; otherwise no one would ask him for those pictures... He said, "True. If you would like to have such a picture, then send it to me, and I will inscribe it!" I answered that if I'd known that this would not offend him, I would certainly have done just like that.

Khrushchov told me that Aivazovsky had asked him to remind those concerned in St. Petersburg about the existing project of building the railroad to Feodosia, and other things. For this purpose, Aivazovsky had reminded Khrushchov that it would not hurt to take along a picture with a view of the harbour in Feodosia from the mountain with the museum on top.

И.К.АЙВАЗОВСКИЙ
Георгиевский
монастырь в лунном
свете. 1899
Холст, масло
13 × 25
Частная коллекция
Публикуется впервые

Ivan AIVAZOVSKY
St. George Monastery
in Moonlight. 1899
Oil on canvas
13 × 25 cm
Private collection
First publication

Russians that such a talent as Repin is still not a professor at the Academy?!"

Aivazovsky kept telling me how he could paint only studies from life, but he must be removed from life while working on a painting. (I told him that the same thing happens in poetry: for instance, I was delighted with the Crimea, but at that moment was not able to write anything about it.) During this conversation, he also told me that he put the water through to Feodosia from his estate (25 versts away) and suffered an annual loss of 5,000 rubles because of it. He showed me the picture of his estate.

After that we changed the subject to art once more, and to artists, some of whom were our mutual friends. He referred condescendingly to Sverchkov³³, as a "horsey artist, not without talent". He asked me a lot about Repin, his life and his views on art. He regretted not being in town during Repin's latest visit to Feodosia.

When the conversation touched upon literature, Aivazovsky indifferently admitted that he does not know it, not even its best modern representatives. When I mentioned the names of many young writers, he responded that he had never heard of them before... But one

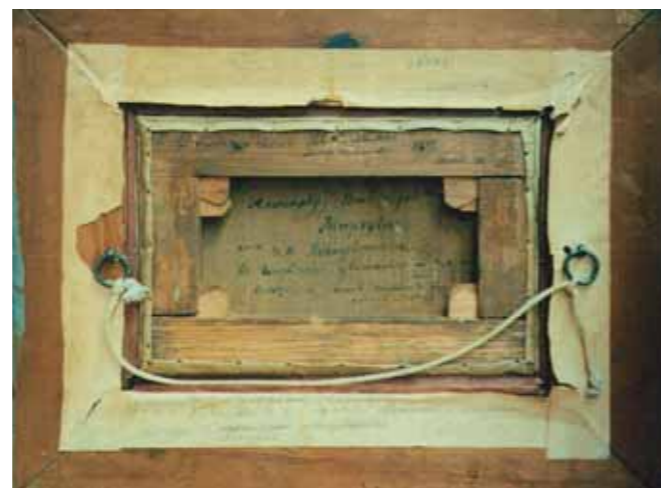
should have seen how Aivazovsky came to life when he talked about the sea, the Crimea and its beauty! When he was showing me his paintings, he was adding to them with his words, "painting in" their poetry. He did this extremely effectively... As for Ivan Konstantinovich's wife, she was still being quiet in his presence in the evening, as if afraid to speak out...

All evening long Khrushchov chattered on various topics without shutting up. His acquaintance with the mighty and powerful of this world made his conversations interesting, especially since at Aivazovsky's he was not too shy to refer to them by name and to criticize, often harshly, their actions and words.

After tea, I took my leave to catch the steamship. Khrushchov soon joined me, accompanied by Aivazovsky, who came to "see the dear guests off," as he put it. Aivazovsky thanked me for my visit and for the pleasure brought by my book. (The latter was hardly sincere since he

Оборот холста
с дарственной
надписью «В имени
[далее – неразб.]
Феодосия 1899 июня
10-го. Александру
Владимировичу
Жиркевичу от
И.К.Айвазовского
[неразб.] глубокого
уважения и восторга
от поэтического
произведения»

Obverse of a painting
with a presentation
inscription
"At the estate of
[illegible]. Feodosia
10th June 1899.
To Alexander
Vladimirovich
Zhirkevich from Ivan
Aivazovsky [illegible]
with profound gratitude
for and the delight
from [his] poem"

Константинополь.
Золотой рог. 1867
Холст, масло
30 × 43,3
Собрание В.Л.Машицкого,
Лондон

Constantinople.
The Golden Horn. 1867
Oil on canvas
30 × 43.3 cm
Vitaly Machitski's
collection, London

видов моря, не имея к тому никакой способности... Молодежь часто ошибается в определении своих способностей: дело стариков направлять ее с ложного пути на истинный! Родители тоже смотрят на своих детей и пристрастно, и странно. Иной раз общую черту всех детей — стремление все пачкать и закрасивать, родители принимают за талант. Не раз мне приходилось видеть таких родителей и выслушивать их просьбы посмотреть на рисунки их детей, нет ли у них таланта? Я всегда отдавал такие заискивания перед моим мнением холодной водой беспощадной иронии и критики. Родители рассуждают так! «Айвазовский имеет от своих картин, положим, в год 20 тысяч дохода. Но, он, конечно, — талант! Наш же сынок менее талантлив... Ну, пусть у него будет 1/2, 1/4 таланта господина Айвазовского, и он, в таком случае, будет иметь в год 10,5 тысяч дохода... Все же это лучше, чем жалование какого-либо

столоначальника... Родители не понимают всей глупости своей теории дробления таланта! Разве его можно так делить! Или талант, или заурядность — другого выхода нет! Я всегда восставал и восстаю против теорий предоставления свободы молодежи в выборе себе жанра живописи, так как видел многочисленные примеры того, к чему это ведет».

Айвазовский в дальнейшей беседе критиковал страшно рутину в преподавании многих предметов в Академии художеств. Например, изучение анатомии в том объеме, как оно существует там, он считает не только лишним, но и прямо вредным. «Все эти мускулы, кости, нервы — все это только сбивает с толку ученика. Ведь потом как будет писать с натуры, с живых людей, у которых мускулатура, кости скрыты под кожей, и члены которых с кожей совсем не те, что те же члены без кожи. А ученик, долго изучавший систему мускулов, скелет и т.п. непременно будет стараться применить, писав с живого человека, свои познания по части анатомии, и у него явятся люди с неестественными позами и формами тела. Далее, редко приходится [видеть] голое тело, а в одежде оно имеет совсем иные формы... Натура, и только писание с натуры, научает верно передавать жизнь. А все эти скелеты, манекены с мускулатурой — чепуха, и при том вредная,

скоро забываемая!» Айвазовский вполне одобряет мысль об уничтожении розни между академистами и передвижниками, очень доволен деятельностью графа Толстого³¹ и Бобринского. «Но старые профессора, вроде Лемоха³², стоят поперек дороги! Они чувствуют, что утратят всякое значение, когда в Академию проникает струя свежего воздуха... А этот воздух для нее необходим... И не позор ли для нас, русских, что такой талант, как Репин, до сих пор не в числе профессоров Академии?!»

Айвазовский рассказывал далее о том, что он может писать с натуры только одни этюды, а для написания картины он должен быть отдален от натуры. (Я при этом заметил ему, что то же самое и в поэзии: я, например, в восторге от Крыма, а ничего не мог бы написать о нем в данную минуту). Айвазовский упоминал в разговоре о том, как он провел воду из своего имения (за 25 верст) в Феодосию, и как терпит от этого ежегодно убытку в 5000 рублей, показывая мне и вид этого имения.

Затем опять перешли на искусство и наших общих знакомых художников. О Сверчкове³³ он отозвался свысока, как о «лошадинам художнике, не без таланта». Много расспрашивал меня о Репине, его жизни, его взглядах на искусство, сожалел, что в последний свой приезд в Феодосию Репин его не застал... Когда разговор коснулся литературы,

³¹ Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889) – граф, государственный деятель, историк. Почетный член (1866), а с 1882 года президент Петербургской Академии наук. В 1865–1880 годах обер-прокурор Синода, в 1866–1880 годах министр народного просвещения, с 1882 года министр внутренних дел.

³² Карл (Кирилл) Викентьевич Лемох (1841–1910) – живописец, график, работал в технике офорта. Жанрист, писал портреты, пейзажи. Занимался крестьянской темой.

³³ Николай Егорович (Георгиевич) Сверчков (1817–1898) – живописец, рисовальщик, скульптор, литограф. Жанрист, писал картины на темы охоты и путешествий, портреты, работал в батальном жанре, автор картин на исторические сюжеты, анималист. Обращался к художественной росписи на фарфоре, делал эскизы произведений декоративно-прикладного искусства, выполняемых в серебре и фарфоре.

то Айвазовский выказал равнодушное незнание ее, даже лучших современных образцов, и при многих фамилиях молодых литераторов, названных мною, отзывался, что в первый раз о них слышит... Но надо было видеть, как Айвазовский оживал, когда разговор опять касался моря, Крыма и его красоты! Показывая мне картины, он дополнял их на словах, стараясь изобразить все их поэтическое содержание, причем это выходило у него очень удачно... Но супруга Ивана Константиновича в его присутствии и вечером, молчала и как бы боялась при нем высказываться...

Хрущов весь вечер болтал безумолку и на разные темы. Знакомство его с сильными мира сего делает его разговоры интересными, тем более, что он у Айвазовского не стеснялся называть фамилии и высказывать свои, подчас, резкие мнения о поступках и словах разных «особ». После чая отправился я на пароход, куда вскоре приехал с Хрущовым и Айвазовский, «проводить дорогих гостей», как выразился он. Айвазовский благодарил меня за приезд к нему и за удовольствие, доставленное моей книгой (последнее едва ли искренно, так как он ее, наверное, не читал!). Звал меня к себе в Петербург. Одна черта, которую я в нем еще заметил, это — скупость. Я попросил у него на память о моем посещении его фотографическую карточку, что его почти рассердило. «Эти карточки — просто разорение, — сказал он, — их выходит у меня до 300 в год: это целый капитал!» Я заметил, что всякий мог бы купить карточку, но всякому приятно иметь ее у себя с надписью; иначе их никто и не просил бы у него... «Правда, если хотите иметь такую карточку, то пришлите мне, и я ее подпишу!» Я ответил, что если бы знал, что это его не обидит, то, конечно, и сделал бы так.

Хрущов мне рассказывал, что Айвазовский просил его напомнить, кому следует в Санкт-Петербурге о тех проектах, которые существуют относительно проведения железной дороги в Феодосию и т.д. Для этой цели он заметил Хрущову, что не мешало бы ему взять с собою вид Феодосийской бухты с той горы, на которой музей... Хрущов думал, что Айвазовский, прибегающий к его содействию, купит ему один экземпляр этого вида. Но не тут-то было!.. Айвазовский так и промолчал относительно снабжения фотографией Хрущова и, по мнению последнего, сделал это опять-таки из скупости! Хрущов об Айвазовском рассказывал

много интересного (мы ехали с ним до Ялты в одном купе 1 класса парохода, где Айвазовский, благодаря содействию капитана парохода, нас прилично и удобно устроил). Он, Айвазовский, пользуется, по словам Хрущова, удивительным почетом всюду в Феодосии: перед ним расступаются, ему отвешивают почтительные поклоны... Айвазовский жаловался Хрущову на неимение вполне достаточных средств, которые обеспечивали бы ему его будущность. Говорил ему, что живет только картинами и очень много проживает на поездки, на помощь, оказываемую своей родине — Феодосии.

Хрущов, по его собственному признанию, хотел выпросить себе одну из картин Айвазовского, но не успел в этом. Он, восторгаясь одной из маленьких картин (Ялта с розовыми облаками, тянущимися к морю; действительно, прелесть!), просил Айвазовского продать ему ее, и спросил цену. «Тысяча рублей, — спокойно ответил Айвазовский. Тогда Хрущов спросил, нет ли у него картины рублей на 300?» — «Таких у меня теперь нет, но в Петербурге я Вам нарисую и на эту цену. Уступить Вам за 300 рублей картину в 1000 р. я не могу, так как другие будут в понятной претензии на меня. Если я и сделал кому-нибудь уступки в цене, или просто дарил картины, то за подарки: тогда никаких разговоров быть не может. Так сделал я с Дурново, когда он был еще товарищем министра!» Но Хрущов высказал ему все-таки изумление, что за картину менее чем в 1/2 квадратных аршин надо платить 1000 руб., и спросил, сколько времени у него занимает писание такой вещи? «Два часа, иногда и более», — был ответ. Теперь Хрущов задумал сделать Айвазовскому подарок, даже не ему прямо, а его жене, чтобы заручиться таким путем ходатайством этой женщины, которая, по его словам, имеет влияние на мужа. Когда я спросил Хрущова о времени начала его знакомства с Иваном Константиновичем, то он рассказал, какое участие принял он в деле о разводе Айвазовского с его первой женой³⁴. По словам его, Айвазовский ему много обязан тем, что дело о разводе уладилось благополучно. Армянская духовная консистория развела Айвазовского с его женой только на основании одного заявления Айвазовского, тогда как по закону для развода нужно согласие обеих сторон. Консистория поступила так в виду высокого положения Ивана Константиновича, как советника и как художника.

Радуга. 1873
Холст, масло
102 × 132
ГТГ

Rainbow. 1873
Oil on canvas
102 × 132 cm
Tretyakov Gallery

³⁴ Юлия Яковлевна Гревс (?) — англичанка по происхождению, служила гувернанткой в одном из богатых перербургских домов, первая жена Айвазовского (с 1848). Их союз оказался несчастлив, в последние 20 лет супружества Юлия Яковлевна и Иван Константинович почти не виделись. В этом браке родились четыре дочери.

*Черное море
(На Черном море
начинает разгры-
заться буря).* 1881
Холст, масло
149 × 208
ГТГ

*The Black Sea
(A Storm Breaks on
the Black Sea).* 1881
Oil on canvas
149 × 208 cm
Tretyakov Gallery

Khrushchov thought that Aivazovsky, having enlisted Khrushchev's help, would buy him a copy of such a view. Not at all! Aivazovsky didn't say anything about giving a photograph to Khrushchov. According to Khrushchov, he did it out of his miserliness! Khrushchov told me many interesting things about Aivazovsky. (He and I were traveling to Yalta in the same first class cabin of the steamship arranged by Aivazovsky with the assistance of the steamship's captain. Our accommodations were quite decent and comfortable.) Aivazovsky, according to Khrushchov, was treated with remarkable respect and honoured everywhere in Feodosia. People respectfully gave way and bowed to him... Aivazovsky had complained to Khrushchov that he had insufficient means to ensure his future. He had said that he lived only by his art and spent a fortune on trips, and on the aid provided to his motherland, Feodosia.

Khrushchov admitted that he had wanted to wangle one of Aivazovsky's paintings for himself, but had not succeeded. While admiring one of the small paintings (Yalta with pink clouds stretching towards the sea; truly a beauty!), Khrushchov asked Aivazovsky to sell it to him and asked what the price was. "One thousand rubles," calmly replied Aivazovsky. Then Khrushchov asked if there were any pieces worth 300 rubles or so. "I don't have such pieces anymore, but I will paint one for you for this price in Petersburg. I can't give away a painting worth one thousand rubles for three hundred rubles, because others would have understandable complaints. If I ever gave a painting away at a discount or just gave them away, that was gift giving: you can't argue with that. For instance, that's what

Durnovo got when he still was a friend of a minister!" Still, Khrushchov went on to express his astonishment that a painting smaller in size than half an arshin can cost a thousand rubles, and asked how much time it took to paint a painting like that. "Two hours, sometimes longer," was the answer. Now Khrushchov got it into his head to give a present to Aivazovsky, not even directly to him, but through his wife, to obtain the support of a woman who has influence over her husband.

I asked Khrushchov how long he had known Ivan Konstantinovich. In response, he told me about his role in Aivazovsky's divorce from his first wife.³⁴ He said that Aivazovsky had owed him for helping to successfully settle the divorce. An Armenian spiritual consistory had divorced Aivazovsky and his wife based only on one application from Aivazovsky, whereas law requires the consent of both parties. The consistory had done it due to Ivan Konstantinovich's high position as a councilor

*Корабли при закате
солнца.* 1870-е
Картон, масло
10 × 16
Собрание В.Л.Машицкого,
Лондон

*Ships at Sunset
The 1870s*
Oil on cardboard
10 × 16 cm
Vitaly Machitski's
collection, London

³⁴ Aivazovsky was married to Yulia Yakovlevna Grevs (1848), a lady of British origin who worked as a governess in a rich family in St. Petersburg. Four daughters were born in this marriage. The marriage failed, and the spouses hardly saw each other for 20 years.

³⁵ The author refers to Alexander III.

and artist. After he had been living with his second wife, Anna Nikitichna, for several years, the first wife decided to raise a scandal and brought up the issue of the illegality of their divorce. During the celebration of Aivazovsky's birthday, Grand Prince Vladimir Alexandrovich asked Aivazovsky about his wishes and the latter asked him to beseech the Tsar³⁵ to settle his divorce case. Even though the Grand Duke promised to put in a word, the case never moved forward. Aivazovsky knew about Khrushchov's powerful connections in the Senate with people who dealt with such issues. He asked Khrushchov for help and Khrushchov arranged so that the case was reported to the Tsar! The Tsar ordered the case dropped. Aivazovsky's first wife was obligated to sign papers that she would never pursue the case, especially since Aivazovsky had provided for her and their children well and more than ten years had passed since their divorce. It was obvious that the purpose of the suit was to create a scandal. Thanks to this service from Khrushchov, Aivazovsky was still friends with him. Khrushchov recalled the time when Aivazovsky had suddenly appeared at his doorstep asking for help, pale and trembling. With tears in his eyes, he had said how completely happy he had become with his new wife, how their marriage had made him completely healthy (!) and that his new wife had been his consolation in old age, and so on.

The Aivazovskys stayed with us until the last signal of the steamship's departure. Aivazovsky himself was such a gracious host that he would not let me go when it was time for me to rush to the hotel for my things. He offered me his horses for a ride to the steamship. He reminded me of his invitation. At the steamship, with his gray curls and dignified posture, he looked like some English lord on a pleasure cruise. Everyone respectfully gave him way..

*Утро близ Неаполя.
Вико.* 1841
Холст, масло
73,5 × 109
Собрание В.Л.Машицкого,
Лондон

*Morning off Naples.
Vico.* 1841
Oil on canvas
73.5 × 109 cm
Vitaly Machitski's
collection, London

Когда он уже несколько лет прожил со своей второй женой Анной Никитичной, первая жена его захотела устроить скандал новой симпатии Айвазовского и подняла вопрос о незаконности развода. Во время празднования юбилея Айвазовского Великий Князь Владимир Александрович спросил его, что он желает просить, тот просил доложить Государю³⁵, что умоляет уладить вопрос об его разводе. Но Великий Князь хотя и обещал похлопотать, а дело не подвинулось. Тогда Айвазовский, зная, что Хрущов имеет большие связи в сенате и вообще с лицами, имеющими отношение к вопросу о разводах,

обратился к нему за помощью и он, Хрущов, устроил так, что дело было доложено Государю! Государь приказал его прекратить (о чем и издал указ), обязав первую жену художника подпиской не возбуждать никогда этого дела, тем более, что Айвазовский обеспечил и ее, и прижитых с нею детей, и со времени их развода прошло более 10 лет, так что возбуждение дела имело очевидной целью скандал. Благодаря этой услуге, Айвазовский и дружит до сих пор с Хрущовым. По словам последнего, Айвазовский был сам не свой, когда неожиданно явился к нему на квартиру с просьбой о помощи. Он был бледен,

дрожал, говорил со слезами на глазах и в голосе, и, между прочим, заявил, что новая его жена вполне осчастливила его, что, женившись на ней, он стал совершенно здоровый (!), что она покоит его старость и т.п. Чета Айвазовских оставалась с нами до последнего сигнала на пароходе... Сам Айвазовский был настолько любезен, что все задерживал меня, когда я торопился из его квартиры в гостиницу за вещами, предлагал мне своих лошадей, чтобы довезти до парохода, напоминал о приглашении к себе. На пароходе в своем цилиндре с седыми кудрями и осанистым видом, он был похож на какого-нибудь английского милорда, путешествующего для своего удовольствия. Все перед ним почтительно расступались...

Проведя в Ялте два месяца, Жиркевич на обратном пути в Вильну заехал в Ясную Поляну к Л.Н.Толстому, с которым вел переписку с 1887 года. Первая встреча с великим писателем потрясла Александра Владимировича, вытеснив все впечатления прошедшего лета и, вероятно, встречу с Айвазовским.

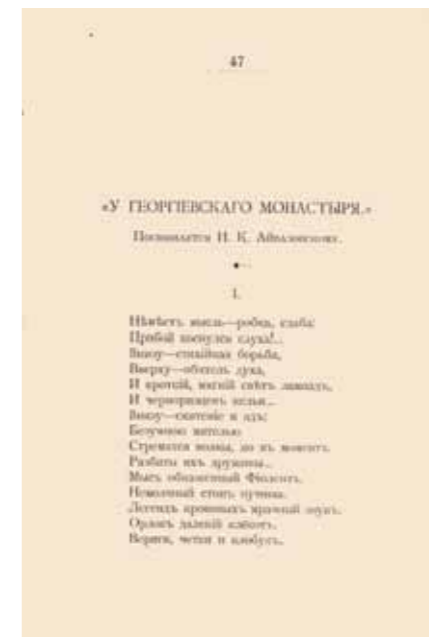
Неизвестно, виделся ли Жиркевич с Айвазовским в Петербурге (дневники этого времени еще не расшифрованы), но в 1899 году в сборнике «Друзьям», Александр Владимирович посвятил одно стихотворение («У Георгиевского монастыря»³⁶) Ивану Константиновичу и отослал ему эту книгу. Получив ее, художник откликнулся письмом с благодарностью:

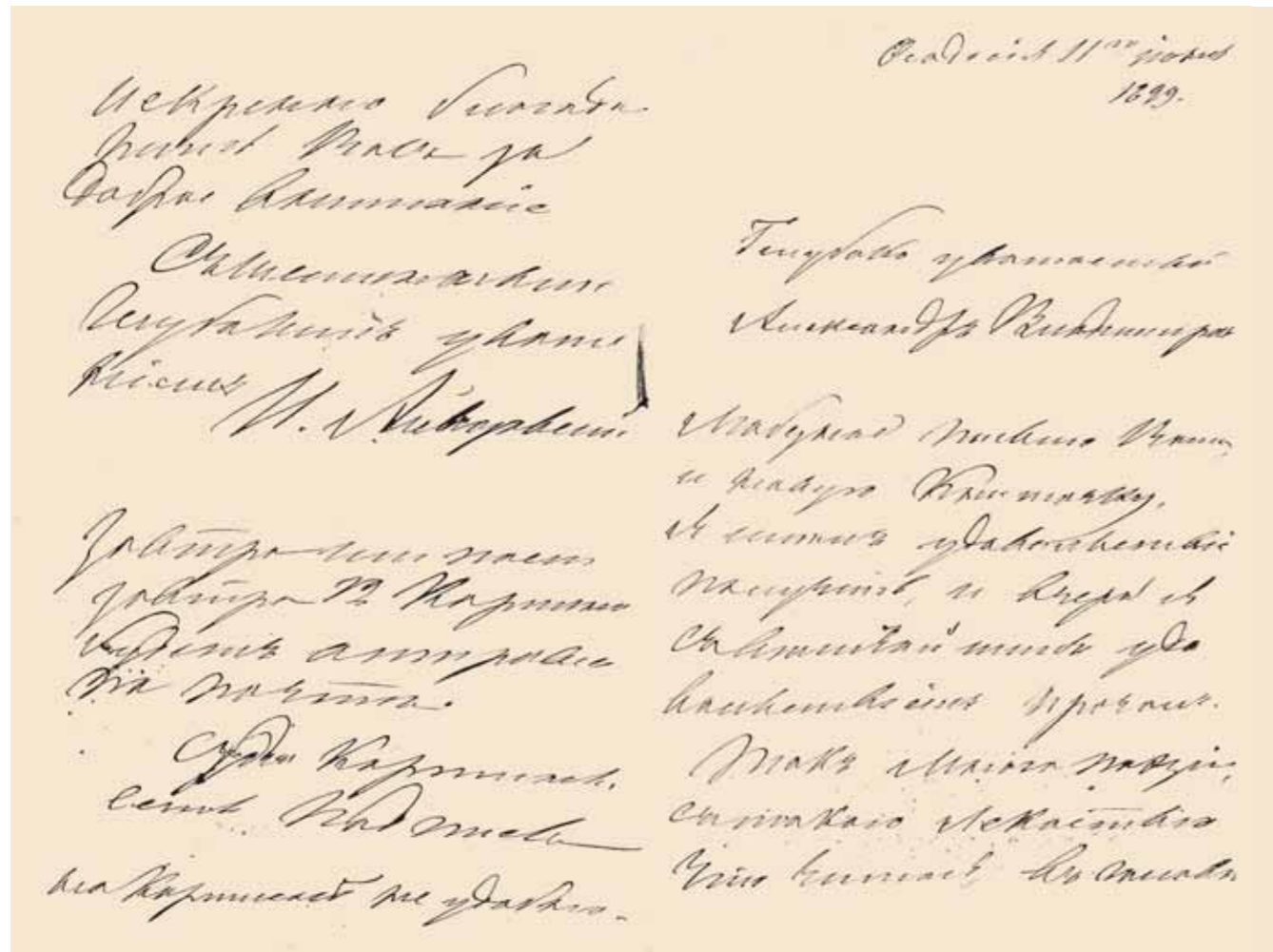
Титульный лист
стихотворного
сборника «Друзьям»
(СПб., 1899)

Title page
of the collection
of poems *To Friends*
St. Petersburg, 1899

³⁶ Речь идет об Александре III.

Zhirkevich spent two more months in Yalta. On his way back to Vilna, he visited Leo Tolstoy in Yasnaya Polyana. He had exchanged letters with Tolstoy since 1887, and Zhirkevich was probably so overwhelmed by this meeting that the impression of it dominated over his impressions of the previous summer, evidently including his meeting with Aivazovsky.

It is not known whether Zhirkevich and Aivazovsky met in Petersburg (the diaries of that period of time have not been deciphered yet), but in 1899, in his collection of poems “To Friends” Alexander Vladimirovich dedicated a poem (“By St. George Monastery”)³⁶ to Ivan Aivazovsky and sent the book to him. Upon receiving the book, Aivazovsky responded with a grateful letter.

Feodosia
June 11 1899

My dear Alexander Vladimirovich,

I have received your kind letter and the new book and read it yesterday with great pleasure.

There is so much poetry and lightness in it that, while reading, I had the same impression as when I read Pushkin.

I admit that I notice once in a while that some writers write with so much effort in order to use rhyme, like Benediktov³⁷ and even sometimes Lermontov, that they don't rise to the level of the nature they describe.

Well, I am not able to express myself on this subject the way I would like to.

Yesterday, having read the poems that you dedicated to me, I immediately painted a small piece “St. George Monastery on a Moonlit Night”.

Please notify me when you receive it. Once again, allow me to sincerely thank you for your kind attention.

With sincere and deep respect,

Ivan Aivazovsky

The painting will be mailed tomorrow or the day after. There is an inscription on the back of the painting. It was not appropriate to inscribe it on the front.³⁸

Six months later Alexander Zhirkevich sent his new book, a collection of stories³⁹ from various years, to Aivazovsky. He received a letter in response – the last we know about the intersection of the lives of Alexander Zhirkevich and Ivan Aivazovsky.

Feodosia
December 22 1899

My dear Alexander Vladimirovich,

I have received your kind letter with the enclosed “Stories”. Please accept my heartfelt gratitude.

As you wished, I am sending you my photograph.

I hope you have a very happy New Year. Wishing you all the best.

With sincere respect,

Ivan Aivazovsky⁴⁰

This letter is the last known evidence of contact between the great marine artist and Alexander Zhirkevich.

³⁶ At St. George Monastery Dedicated to Ivan Aivazovsky

The mind's blocked, confused and timid:
The roaring waves fill my ears,
The elements fighting just in front,
The Holy Spirit reigns in Heaven.
The oil lamps enlighten
Black monks' dwelling cells...
And as if led by evil forces
The wild chaos, foaming, misty,
Threatens the thirsty
Shore, but in a brisk is crushed...
The Fiolent cliff's open to winds.
The waters' cries the wind to ears brings.
The beastly legends echo gloomy rhymes.
And distant eagles' screams.

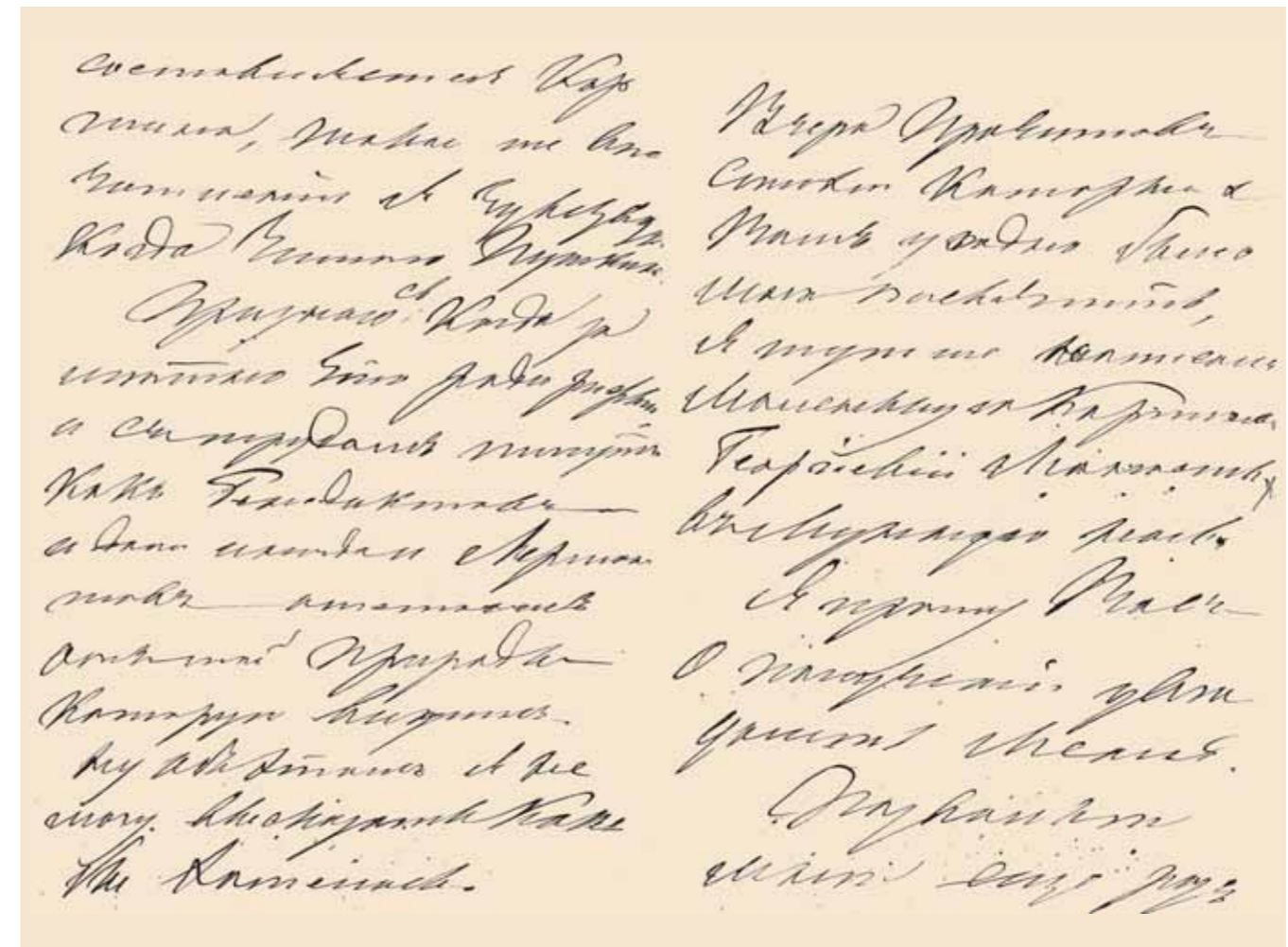
(Translated by Natella Voiskounski)

³⁷ Vladimir Grigoryevich Benediktov (1807–1873), a Russian lyrical and romantic poet and an associate member of the St. Petersburg Academy of Sciences (since 1855). His 1835 book “Stikhotvoreniya” (Poems) enjoyed great success. During the Crimean War he wrote a number of patriotic odes.

³⁸ Department of Manuscripts of the State Tretyakov Gallery. Fund 22. Item 61235. Sheet 1–2.

³⁹ Alexander Zhirkevich. “Stories”. 1892–1899. St. Petersburg. 1900.

⁴⁰ Department of Manuscripts of the State Tretyakov Gallery. Fund 22. Item 61236. Sheet 1.

Feodosia 11-го июня 1899

Глубокоуважаемый Александр Владимирович.

Любезное письмо Ваше и новую книжечку я имел удовольствие получить, и вчера я с величайшим удовольствием прочел.

Так много поэзии, с такою легкостью, что, читая, в голове составляет картину, такое же впечатление я чувствую, когда читаю Пушкина.

Признаюсь, когда замечаю, что ради рифмы и с трудом пишу, как Бенедиктов³⁷ и даже иногда и Лермонтов – [отстают] от той природы, которую [видишь]. Ну, об этом я не могу высказать, как бы хотелось.

Вчера, прочитав стихи, которые Вам угодно было мне посвятить, я тут же написал маленькую картину Георгиевский Монастырь в лунную ночь.

Я прошу Вас о получении уведомить меня.

Позвольте мне еще раз искренно благодарить Вас за доброе внимание.

С [истиннейшим] глубоким уважением.

И. Айвазовский

Завтра или послезавтра картина будет отправлена по почте. Сзади картины есть подпись. На картине неудобно³⁸.

Спустя полгода Александр Владимирович отправил в подарок художнику свою новую книгу – сборник рассказов разных лет³⁹ – и получил ответное письмо:

Feodosia 22-го декабря 1899

Глубокоуважаемый Александр Владимирович.

При любезном письме Вашем, имел удовольствие получить книгу Рассказы. Прошу принять мою сердечную благодарность.

Согласно Вашему желанию посылаю при сем свою карточку.

Поздравляю Вас с наступающим Новым Годом. Пожеланием – всего хорошего.

С искренним уважением к Вам И. Айвазовский⁴⁰

Это последнее, что известно нам о пересечении жизненных путей А.В.Жиркевича и И.К.Айвазовского.

Письма И.К. Айвазовского А.В. Жиркевичу Государственный музей Л.Н.Толстого, Москва

Ivan Aivazovsky's letters to Alexander Zhirkevich Leo Tolstoy Museum, Moscow

³⁶ Немец мысль – робка, слаба:
Прибой коснулся уха!..
Внизу – стихийная борьба,
Вверху – обитель духа.
И кроткий, мягкий свет лампад,
И черноризцев келья...
Внизу – смятение и ад:
Безумно метелью
Стремятся волны, но в момент
Разбиты их дружины...
Мыс обнаженный Фиолент.
Немолчный стон пучины.
Легенд кровавых мрачный звук.
Орлов далекий клеток.
Верги, четки и клубок,
Молитв привычных шепот...
Какой-то ужас сердце скал!
Нет силы оторваться
От этой бездны, этих скал.
На все уже ложатся
Ночные тени... По камням
Сильной прибой грохочет:
Как будто демон злобный там
Безумствует, хохочет...

(отрывок из стихотворения «У Георгиевского монастыря»)

³⁷ Владимир Григорьевич Бенедиктов (1807–1873) – русский лирико-романтический поэт, член-корреспондент Петербургской Академии наук (с 1855). Шумный успех имел его сборник «Стихотворения» 1835 года. Во время Крымской войны (1853–1856) выступил с рядом патриотических од.

³⁸ ОР ГТГ. Ф. 22. Ед. хр. 61235. Л. 1–2.

³⁹ Жиркевич А.В. Рассказы. 1892–1899. СПб., 1900.

⁴⁰ ОР ГТГ. Ф. 22. Ед. хр. 61236. Л. 1.